

ГЕРОИЧЕСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ЮРИЙ КОРЧЕВСКИЙ

ГВАРДИЯ В ОГНЕ
НЕ ГОРИТ!

МОСКВА
2018

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К70

Разработка серии *С. Курбатова*

В оформлении переплета использована иллюстрация
художника *И. Варавина*

Корчевский, Юрий Григорьевич.

К70 Гвардия в огне не горит! / Юрий Корчевский. —
Москва : Эксмо : Яуза, 2018. — 320 с. — (Героическая
фантастика).

ISBN 978-5-04-095053-9

Продолжение боевых действий Ильи Миронова, лейтенанта Росгвардии, попавшего на Великую Отечественную войну.

После ранения и госпиталя он вновь попадает в разведку и оказывается на самом опасном участке фронта – Курской дуге. Тяжелые дни немецкого наступления, а потом как распрямившаяся пружина – контрнаступление Красной Армии. Каждый уничтоженный гвардейцем враг – маленький шаг к общей победе!

Гвардия в огне не горит!

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-095053-9

© Корчевский Ю. Г., 2018
© ООО «Издательство «Яуза», 2018
© ООО «Издательство «Эксмо», 2018

Глава 1

«ГОДЕН К НЕСТРОЕВОЙ»

оловину зимы Илья провёл в госпитале в Москве. Перелом костей левой голени, перелом двух рёбер. Обвалившиеся при взрыве мины брёвна блиндажа здорово покалечили. Но и это везение: из всего блиндажа только двое выжили, остальные в братской могиле. В госпитале раненые, обожжённые, только двое хоть и на фронте заработали проблемы, но, по всему, не боевые. У Ильи переломы, ещё у одного бойца — воспаление лёгких. Он сапёр, и почти всем взводом возводили деревянный мост: пришлось в холодной воде по грудь стоять. Ходячие раненые в столовой про обстоятельства ранений рассказывали, а Илья молчал. В госпитале хорошо — тепло, кормят три раза, бельё белое на кроватях, от которого на фронте отвыкли. Весна началась: в землянках и окопах сыро, обмундирование влажное, просушиться негде. У бойцов от сырости и холода чирьи по телу, кашель. Дороги развозить начало. Днём плюс и тает, ночью подмораживает — тогда к передовой можно снаряды и продовольствие подвезти. Хуже всего с авиацией. У немцев взлётные и рулёжные полосы железными перфорированными

листами выложены, и, несмотря на слякоть, немецкая авиация летает. А наши на приколе, по ночам только лёгкие бомбардировщики У-2 немцам спать не дают.

Через три недели госпитальной жизни, после передовой похоже на санаторный отдых, врачебная комиссия определила, кого выписать, кого оставить на долечивание. Нога у Ильи болела, ходил он прихрамывая и чётко понимал — в строевой части, особенно в разведке, ему пока не место. Случись маршбросок или разведпоиск, когда за ночь приходится не один десяток километров проходить, да не по ровному асфальту, он обузой будет, не выдержит темпа. Но и в госпитале лежать уже сил не было. Постоянные стоны раненых или смерть безнадежных, особенно обожжённых танкистов, укреплению психики не действовали.

Комиссия признала его годным к нестроевой службе в военное время с переосвидетельствованием через год, о чём Илья получил справку.

Грузовик перевёз выздоравливающих в запасной полк. Были и другие, демобилизованные по ранению. Те сами добирались до железнодорожных вокзалов, ехали домой. Это кому везло и родной дом не был на оккупированной территории.

В запасном пехотном полку Илья пробыл один день. На следующий день после прибытия приехали «покупатели», как образно называли представителей воинских частей. В первую очередь забирали годных к строевой службе, технически подкованных — танкистов, артиллеристов, связистов, сапёров. Осталась в строю едва ли не четверть бойцов, годных к нестроевой. Такие в армии тоже нужны. Водители, ездо-

ГВАРДИЯ В ОГНЕ НЕ ГОРИТ!

вые, поскольку на конной тяге в первые годы войны передвигались многие подразделения. А ещё повара, парикмахеры, портные, фотографы, ремонтники и даже караульная служба в ближнем тылу. Илья для себя решил податься в шофера. С его ногами пока марш осуществлять затруднительно. С любой машиной или трактором обращаться умел, имел права, но всё осталось там, в другой жизни. А в этой никто права не спрашивал. В механики-водители танков брали трактористов: короткий курс по материальной части, несколько уроков вождения — и в бой. Да и водили в своём тылу устаревшие, как правило, прошедшие ремонт после подбития танки БТ-5, БТ-7.

На фронте же их качества, которые ценились до войны — быстходность, способность идти по шоссе на колёсах, — негодились. На войне нужны другие качества — толстая броня и мощная пушка.

До войны машин и мотоциклов что в армии, что в народном хозяйстве было мало. С началом войны производство их стало расти, на примере немцев убедились, что моторизованная армия имеет преимущество в мобильности. А ещё авто- и бронетехника пошла по ленд-лизу, водителей же случилась нехватка.

Потому, когда очередной «покупатель» выкрикнул:

— Шофера есть? — Шагнули вперёд только двое.

После ознакомления документов лейтенант подвёл их к полutorке, крытой брезентовым тентом.

— Садитесь, сейчас ещё в один запасной полк заедем.

И в этом полку нашёлся только один водитель. Поехали к Коломне, где формировался отдельный противотанковый дивизион. Один из бойцов, сидев-

ший в кузове, как услышал про противотанкистов, расстроился:

— В мясорубке был, да видно, удача совсем от меня отвернулась. Знаешь, браток, как их в армии называют? «Прощай, Родина!» Потому что расчёты в бою успевают только несколько выстрелов сделать. А хуже всего, есть приказ самого товарища Сталина — из госпиталей противотанкистов только в свои части возвращать!

— Ты бы язык прикусил, — посоветовал другой боец. — Дойдут твои разговоры до особиста, в лагерь угодишь.

Штрафные роты и батальоны будут созданы позже, через четыре месяца. Служить придётся в автомобильной роте. На марше грузовики пушки буксируют, а как артиллеристы позиции займут, подвозят боеприпасы. Илье досталась потрёпанная полуторка довоенного производства, с полукруглыми штампованными передними крыльями и двумя фарами. Для экономии материалов и станкочасов автозавод в Горьком перешёл на крылья гнутые, и ставили одну фару, на водительскую сторону. С началом войны многие автомобили и трактора были мобилизованы в действующую армию. В тылу остались либо совсем «убитые», либо редкие, к которым запчасти найти сложно. Полуторка — машина неприхотливая, но маломощная. Шофера больше уважали грузовики ЗИС-5, прозванные «Захарами». Надёжны, грузоподъёмность три с половиной тонны, а ещё хорошая проходимость по грязи. Немцы сначала презрительно смотрели на наши машины, но после осенней распутицы и зимы 1941/42 года мнение своё изменили и «Захарами» охотно пользовались.

ГВАРДИЯ В ОГНЕ НЕ ГОРИТ!

Илья, принимая машину, проверил ходовую часть, двигатель. Дымил движок, предвещая скорый ремонт. Через три дня дивизион был выдвинут на фронт. К полуторке Ильи прицепили пушку — «сорокапятку», в кузов погрузили несколько ящиков снарядов, забрались бойцы. Во главе колонны шёл броневедомитель БА-10, за ним М-1 командира дивизиона, а потом машины с пушками на прицепе, тентованные грузовики с военным имуществом, замыкали колонну грузовики начпрода. Два везли полевые кухни и поваров, ещё один — провизию: макароны, крупы, консервы, соль. За машинами ехали два мотоцикла с колясками, в них механики. Если на марше какая-то машина встанет из-за поломки, механики своими силами попробуют её отремонтировать. У немцев для таких целей в составе колонн были тягачи и полевые мастерские. Позже они появились в РККА.

Колонна шла на юг. На коротких привалах бойцы обменивались впечатлениями.

— Под Тулой оборону займём.

— А ты сводки Совинформбюро слушал? Ожесточённые бои на харьковском направлении!

Конечную цель марша знал только командир дивизиона. Илья полагал так. Если бы противотанкистов на самом деле направляли под Харьков, использовали бы железнодорожный транспорт. Получилось бы быстрее и экономнее. Так и вышло. Дивизион занял позицию между Тулой и Орлом.

Если в сорок первом году немцы рвались к Москве, окружили Ленинград, два самых больших города, то в сорок втором году сменили направление ударов. Осознав, что блицкрига не будет, война продлится долго и её исход будут решать ресурсы — людские,

материальные и прочие, немцы двинули войска на восток, к Сталинграду, и на юг. На восток — там захватывали поля, на которых выращивали хлеб, а с выходом к Волге немцы могли отрезать подвоз нефти и нефтепродуктов от промыслов Азербайджана и Чечни. Башкирской нефти добывали мало, а в Сибири месторождения ещё не были разведаны.

Второе направление удара — на юг — давало возможность немцам захватить нефтяные промыслы. Немцы всегда испытывали нужду в бензине и моторных маслах. Румынская нефть с месторождений Плоешти шла на переработку, и бензином этим заправлялись авиация и танковые войска. Весь автотранспорт работал на синтетическом бензине, производимом из угля Силезии. Без нефти не работает техника, а немецкая армия была моторизована, нефть — это топка для горнила войны. Кроме того, прорыв в Чечню, Дагестан и даже Азербайджан позволял немцам развивать наступление к нефтеносным районам Ирана, Сирии, захватив эти районы, немцы могли двинуть армию в Индию, насолив англичанам. Колония богатая, и англичане не смогут её защитить. Планы у фюрера были грандиозные — мешал Советский Союз.

Прибыв на место, стали разворачиваться. Оборону занимал пехотный полк, противотанковые пушки ставили на танкоопасных направлениях. Получилось более чем скромно. Илья, имевший за плечами знания военного училища и боевой опыт боёв с немцами, сразу понял. Если немцы бросят на прорыв десятка два-три танков, позиции не удержать. Немцы силы не распыляли, концентрировали на узком участке, после артподготовки или авианалёта выдвигали брониро-

ванный кулак, проламывали на участке оборону Красной армии, прорыв расширяли пехота и самоходки, танки рвались вперёд. Опасаясь окружения, наши начинали отходить. Подобный сценарий повторялся десятки и сотни раз. Справиться с ним можно было бы, значительно насытив войска пушками. В сорок втором не получилось. После потерь бывших территорий, после эвакуации сотен и тысяч заводов производство не восстановили, а Красная армия требовала патронов, пушек, танков, бензина, продовольствия. На случай войны создаются базы, где хранится мобилизационный резерв. Но рассчитывается он, исходя из военной доктрины. Товарищ Сталин сказал — воевать будем на чужой территории и малой кровью. Недоучки типа Будённого и Ворошилова клич подхватили. Запасов создали мало, склады придвинули к границам. В итоге резервы большей частью попали в виде трофеев немцам. Некоторые действия объяснить вообще невозможно. На линии «старой границы» создали укрепрайоны, соединив в линию Сталина. После подписания пакта Молотова—Риббентропа границы сдвинулись западнее, где на сто, а где и на триста километров. Вооружение: пушки, пулемёты, боезапас — из укрепрайонов сняли, а новую границу обустроить не успели.

За ошибки и заблуждения командования расплачивались своими жизнями бойцы. Сорок второй год выдался самым тяжёлым, когда и верили в грядущую победу, и всерьёз опасались поражения. Немцы к осени дошли до Волги, а на юге — до Кавказа.

Нехватка вооружения, боеприпасов усугублялась армейской структурой. Любая армия мира предполагает единоначалие. В Красной армии за команди-

рами приглядывали представители компартии в виде политруков и комиссаров. Они военного образования не имели, но могли отменить любой приказ командира, руководствуясь «классовым чутьём». Один из ярких примеров — Лев Мехлис, с подачи которого был расстрелян не один толковый командир. Всё же ошибку осознали, ввели единоначалие, а политруки стали называться заместителями командира по политической части, замполитами.

Пушки расположили сразу за траншеями пехоты, замаскировали, причём топорно, ветками, на которых едва-едва стали проклёвываться из почек листочки. Немцы маскировали свою технику маскировочными сетями, причём разной окраски: осенью — жёлтой, летом — зелёной. В РККА маскировочные сети были, но в исчезающе малых количествах, а зря. Цена копеечная, а позволяют сберечь остро необходимую боевую технику.

В первые два года войны немцы однозначно лучше были оснащены, каждая мелочь продумана. Наши бойцы завидовали, но молча, иначе сразу припишут «неверие в отечественное оружие». Что злило и раздражало лично Илью, так это насыщенность немецких войск техникой и снабжение боеприпасами. По ночам часовые из траншей пускали осветительные ракеты на нейтралку и постреливали из пулемётов. А наши комбаты внушали командирам орудий:

— Один снаряд в день, лимит!

Машину Илья загнал в небольшую ложину, срезал ножом вечнозелёные ветки елей. Для маскировки лучше нет. Срезанные ветки долго не желтеют, в отличие от лиственных, не демаскируют. Посмотрел со стороны — неплохо. Прошёл к пушке. Бойцы уже капониры

успели отрыть, командир орудия прикидывал ориентиры. Вещь при стрельбе необходимая. К примеру, вражеский танк вышел к двум ёлочкам, а командир уже знает, что дистанция до них — триста пятьдесят метров, команду наводчику даёт. В горячке боя кто сможет определить дистанцию точно? Такие же стрелковые карточки заводили пулемётчики, снайперы. Илья в пехотную траншею прошёл, а там солдатики молодые, необстрелянные. Спросил командира взвода, младшего лейтенанта:

— Товарищ командир! А что за части немцев перед нами?

— Да кто его знает? Вчера прибыли, только окопы успели отрыть. А есть ли немцы перед нами, не знаю.

Вот тебе на! Если вчера прибыли, почему ночью разведку не выслали? Противника надо знать, чтобы ловчее бить. Спать отправился в машину, на земле спать ещё прохладно, не прогрелась. Бойцы-пехотинцы уже пару землянок вырыли, перекрыли в два наката брёвнами. Илья по опыту знал — мал накат, даже мина пройдёт. Слоёв семь-восемь делать надо, тогда надёжно, если гаубичный снаряд не угодит. Илья устроился в кузове, под брезентом. В кабине на сиденье мягче, но кабина маленькая, сидеть можно вдвоём, а лежать — с сильно согнутыми ногами, затекают. Ночью на немецкой стороне слышны были звуки моторов, лязг гусениц. Далеко, с километр, ночью звуки далеко слышны, но оптимизма это не внушало.

Утром пехотные траншеи обстреляли из миномётов, как определил Илья, калибр не меньше ста двадцати. Били не прицельно, скорее всего, прощупывали. Отзовётся русский пулемётчик или пушка выстрелит, немцы засекут. У них для этих целей в передовых

траншеях есть артиллерийский разведчик, а ещё авиационный наводчик, оба с рациями, предмет зависти наших командиров. Рации — это мобильность, быстрота. А телефонный провод перебило осколком — и всё, связи нет.

Утром Илья местность за траншеями пехоты не узнал. Далеко впереди появились проволочные заграждения, виднелись брустверы со свежей землёй. Немцы заняли позиции, наверняка сегодня ночью разведку пустят. Удвоить бы часовых. Илья колебался — стоит ли идти к командиру пехотного взвода? Да кто он такой? Старшина, шофёр артиллерийского дивизиона. Младший лейтенант может послать куда подальше, и будет прав. Откуда командиру взвода знать тактику немцев, когда он пороху не нюхал? У таких обычно самомнение на высоте, да ещё и в училище вбили, что Красная армия всех сильнее. Если так, почему отступаем?

Командир батареи приказал шоферам ехать на базу боепитания за снарядами. Вместе с Ильёй поехали ещё две машины. А на складе шофера и кладовщики столпились у столба, где репродуктор висел, слушают сводку Совинформбюро. Пока подошли, Левитан закончил, Илья спросил:

— Что передавали?

— Под Харьковом немцы наступают, наши ведут тяжёлые оборонительные бои.

Видимо, положение скверное. Получили по документам со склада ящики, выехали в обратный путь. Илья периодически в окно двери высовывался, за небом смотрел. Беспечных и неосторожных немцы быстро выбивали. Смотреть не только на дорогу надо, но и вверх. Неожиданно справа, параллельно до-

роге, — фонтанчики пушечных разрывов. Илья сразу по тормозам, двигатель заглушил и из кабины бросился. В этот момент его накрыл рёв мотора. Сзади догнал и низко пролетел «мессер». Следом второй. Машина — цель крупная, да ещё снаряды в ней. Илья отбежал подальше, в воронку упал, вверх смотрит. А «мессеры» развернулись и с пике из пулемётов по маленькой колонне ударили. Длинные следы от трассирующих пуль от самолётов к машинам потянулись. Потом частый железный стук. Самолёты пронеслись и скрылись. На этот раз повезло. Самолёты сзади налетели, за работой моторов их неслышно было, да из кабины задний сектор не просматривается. Никого из шоферов не убило, машины не сгорели и не взорвались — уже удача. Правда, изрешечены сильно. Поменяли дружно пробитые пулями колёса на одной из машин, на другой заменили пробитую трубку системы охлаждения, долили в радиатор воды. Кабины в дырках — на задней стенке, на лобовом стекле. Всё отремонтировать можно. Тронулись к позициям дивизиона. Илья укрыл грузовик в ложбине, бойцы из кузова носили ящики к орудиям. Можно было бы и подъехать, но тогда грузовик представлял бы собой отличную мишень для немецких артиллеристов, да и капониры пушек были бы обнаружены.

У немцев распорядок соблюдался. В восемь утра завтрак, потом уже методичный обстрел — из пулемётов и миномётов переднего края. В глубине пушки есть, но они молчат. Артиллерийские разведчики ещё цели не выявили.

Шофера снова в тыл, на этот раз за провизией для кухни. Одного хлеба дивизион за день съедал грузовик. Доставляли его из полевой хлебопекарни,